

КИРИЛЛ ИВАНОВ

ПЕТЛЯ

ИНЖЕНЕРА

СОЛЯНКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Кирилл Иванов

Петля инженера. Солянка

«Автор»

2020

Иванов К. Ю.

Петля инженера. Солянка / К. Ю. Иванов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03208-8

Георгий Гаврилович - старый советский инженер, одиноко ютящийся в петербургской коммуналке. Он доживает свой век памятью о лихой молодости и величии давно ушедшей эпохи. Неприязнь к современному миру сделала его упрямым брюзгой и затворником. Но весть о смерти брата резко меняет жизнь главного героя. В наследство инженеру достается крупная денежная сумма, ради которой ему придется пройти серьезные испытания и побороться со всеми претендентами на злополучное богатство. В главном противостоянии инженеру предстоит сойтись со своим племянником Николаем - авантюрным юношей, желающим навсегда нарушить покой пожилого дядюшки. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03208-8

© Иванов К. Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Книга первая: Петля инженера	5
1. Наследство	5
2. У нотариуса	9
3. Последняя встреча. Битва упрямцев	12
4. Главным конструктором Георгий так и не стал.	16
5. Нежданные гости	18
6. Николай и Валя	23
7. Визит Зинаиды	26
8. На работу. Проклятый день	28
9. Конь	32
10. И снова гости	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кирилл Иванов

Петля инженера. Солянка

Книга первая: Петля инженера

1. Наследство

Рослый пожилой гражданин с плевком седых локонов, аккуратно зачёсанных от висков к облысевшей макушке, морщился, глядя на прилавок с сосисками. За стеклянной витриной прилавка были разложены аппетитные яства, обтянутые пищевой оболочкой, и даже у магазинной кошки, грациозно гарцующей вдоль продуктовых рядов, жадно текли слюнки. Она попрошайнически мурлыкала и кокетливо строила глазки владельцам торговых точек. Лицо пожилого человека было угрюмым и напряженным. В отличие от кошки, он не рассчитывал столоваться на дармовщинку. При виде цен на товары, его густые брови раздраженно пританцовывали, потрескавшиеся пухлые губы складывались в трубочку, а крылья величественного орлиного носа гневно раздувались. Он крутил головой из стороны в сторону, бросая взгляд на ценники то одним, то другим глазом, и раздраженно теребил съехавшие на кончик носа очки. Из-за угла соседнего отдела за ним тайком наблюдал молодой человек, делавший вид, что с особой тщательностью выбирает куриную тушку. На деле, он странновато крутил в руках умерщвленную птицу, поворачивая ее с боку на бок с видом знатока. К нему в руки попало ошипанное тельце птицы внушительных размеров; это был джерсийский гигант, и парень, деловито оценивая качество продукта, и даже глядя на внутренности через гузно, словно в подзорную трубу, косился на пожилого человека, небрежно пытаясь сохранить конспирацию. Вокруг суетились и толкались люди, слетевшиеся на распродажу в торговые ряды, торговцы смотрели на них с надменной зевотой. Маленькими перебежками от прилавка к прилавку, в полусогнутом состоянии, люди приценивались к товарам. Кто-то смотрел яйца на свет, кто-то стучал по арбузам, а некий странный покупатель в берете, заговорщически оглянувшись по сторонам, исследовал качество огурца, проведя несчастным овощем под носом, громко и протяжно шмыгнув. Пожилой гражданин, не обращая внимания на переполох вокруг, застыл в немом возмущении. Кошка подозрительно игриво обнюхивала его штанину, издавая кряхтящие звуки, и его желудок, в унисон с кошкой мурчал, ощущая рядом продукты питания. У пожилого человека, как говорится «сосало под ложечкой», но разум выражал протест деспотичным расценкам. Приложив немалое усилие, он тяжело сглотнул, вытянулся по швам и нервно потеревил ворот.

– Что за цены у вас, гражданочка? – спросил пожилой человек.

Крупная женщина, работница мясного отдела, надменно взглянула на него из-за прилавка. На ней был белый передник, из-под которого бесстыдно выступали исполинского размера молочные баки, гордо вывешенные на грудь, словно ордена за доблесть, в борьбе с демографическим кризисом. На голове продавщицы красовался глубоко сдвинутый на лоб кокошник с надписью: «МясТорг», из-под которого грозно выглядывали виртуозно выведенные синим карандашом витиеватые узоры бутафорских бровей. Женщина старательно чавкнула ртом и надула жевательную резинку в пузырь, в нетерпении глядя на покупателя. Приосанившись, она уперла руки в бока и исказилась в брезгливой гримасе:

– Покупать будешь? Или поглазеть пришел?

При слове «поглазеть» глаза мужчины невольно скользнули по откровенному декольте на блузе продавщицы, вызвав резкую вспышку эротической фантазии, в которой он был словно

младенец у сосца партизанской мадонны. Пожилой человек покраснел и утерся платком. Женщина сразу же заметила робкий взгляд и спешно начала поправляться.

– Нахал! Извращенец! – взвизгнула она, и сутулый охранник, задремавший на посту, выпрямился на стуле, и выпучил стеклянные глаза, схватившись за кобуру для фонарика, наполненную карамельными конфетами так, словно внутри должен лежать вороненый наган. Все присутствующие оглянулись. Тайный наблюдатель небрежно отбросил тело убиенного джерсийца и приподнял брови.

– Все нормально, Федя, я разберусь! – сказала продавщица и наклонилась через прилавок.

– Меня зовут Люся. Заканчиваю в восемь. – шаловливо улыбнувшись шепнула она, и ловко засунула что-то в карман, в страхе отшатнувшегося покупателя.

– Можно мне сосисок, кило... – растерянно сказал гражданин, опешив от неожиданности.

Получив в распоряжение прозрачный пакет с сосисками пожилой человек вышел на улицу. Немного покопавшись в кармане, он достал скомканную бумажку и развернув ее начал нервно поправлять очки. На бумажке был номер телефона. Он тут же смял несчастный клочок бумаги и занёс руку над урной, но, на секунду задумавшись, вновь его расправил и аккуратно сложил. Похлопав себя по бокам, человек запустил руку в глубь другого кармана и, тщательно исследовав содержимое, извлёк документ. Мелким текстом на нем было напечатано:

«Уважаемый, Георгий Гаврилович, вам необходимо явиться в нотариальную контору по указанному адресу, по вопросу наследства вашего покойного брата»

– Покойного брата! – в слух повторил Георгий Гаврилович поднимая очки на лоб. Все вопросы, касающиеся семьи вызывали у Георгия Гавриловича чувство тревоги и медленно наплывающего чувства недовольства. Он считал себя хозяином своей не самой интересной жизни, но, так или иначе, семья всегда исполняла роковую роль в его судьбе.

На минуту он погрузился в раздумья, но опомнившись, горько сплюнул и быстро зашагал по улице, по-солдатски размахивая руками и цокая словно конь набойками на протертом каблуке. Он немного прихрамывал и кряхтел при ходьбе; сказывалась старая трудовая травма, о которой никак не получалось забыть ввиду хорошо знакомой петербургским курильщикам метеозависимости. На небе бродили тучи, воздух был влажным и тяжелым, все говорило о том, что предстоят кратковременные изменения в погоде. В Петербурге стояло на редкость жаркое лето, улицы плавилась от солнца, а у фонтанов выстраивались очереди из желающих подмыться бомжей, но на Георгии Гавриловиче был старый шерстяной пиджак в цвет широких брюк со стрелками, из-под которого выглядывала рубашка цвета фламинго. На ногах блестели контрабандные штиблеты, купленные у челночников при Горбачеве, и изрядно истасканные по кабакам в те же времена. Теперь Георгий Гаврилович надевал их только по особым случаям. В прошлом веке считалось, что для представителя рабочего класса у него был неплохой вкус, как на женщин, так и на одежду. Этому необыкновенному свойству характера он был обязан отцу, который даже на фронте отличался строгой аккуратностью гардероба, безупречным обликом, манерами и, как следствие, успехом среди медсестер, одна из которых стала матерью Георгия Гавриловича.

Важно упомянуть о семье Георгия Гавриловича, которая всегда играла важную роль в судьбе нашего героя, вне зависимости от его желания. Мать была молодой художницей из хорошей семьи, практически не тронутой репрессиями, и великолепно играла на пианино. На войне оказалась как и все: потому что война началась. Отец Георгия Гавриловича обольстил ее с легкостью актера Ленфильма. Он был фронтовым врачом, героем войны и, конечно же, любимцем женщин. Жили небогато, но война закончилась, и постепенно жизнь встала на рельсы. После войны отец работал в НИИ, давал лекции и занимался научной медициной, он даже изобрёл мазь от герпеса на основе пчелиного мёда, за что получил много наград и похвалы от разных

министерств и секретарей. Чудесное средство необходимо было обильно наносить на пострадавшую часть тела в течении трех недель и использовать вкупе с препаратами внутреннего применения. Мазь, как выяснилось, изготавливалась по народному рецепту, что не помешало отцу Георгия Гавриловича получить патент и обзавестись полезными знакомствами, неплохим жильем и другими подарками от благодарных людей в слипшихся штанах. Судьба сложилась так, что однажды его мазь попала не в те портки, и глава семейства исчез. Кто-то свыше пострадал от амурного недуга, и прохладив с недельку с липким пахом, счел лекарственное средство обычным шарлатанским плацебо. Отец семейства просто испарился, будто и не было человека. Его супруга, конечно же, пыталась навести справки, но система отрицала его существование, награды и регалии. Человек перестал существовать на бумаге, на словах, и во плоти. Более того: люди, которые знали его, делали вид будто ничего не слышали о таком гражданине, и никогда его не видели. Человек исчез формально и физически. Ввиду столь абсурдных обстоятельств, члены семейства уже и сами начали сомневаться, в существовании такого человека. Но Георгий Гаврилович запомнил отца вечно улыбающимся, сморщившимся стариком с большим носом и николаевскими усами из-под которых всегда дымила трубка. Отец всегда был безупречно одет, от него пахло табаком и парфюмом. Он никогда не говорил о войне и её ужасах; тайком от матери он всегда говорил о женщинах, а при ней – о медицине и успехе его мазей. Сам Георгий Гаврилович не обладал способностями к медицине и коммерческому авантюризму, но женщин любил не меньше отца. Немало женских сердец было растоптано лоснящимися на солнце «фраерскими» туфлями, подобными тем, что сейчас были на нем. Немало было нимфеток, готовых сорвать с молодого инженера пеструю рубашу и брюки со стрелками. Но теперь он был немолод, и на склоне лет совсем перестал разбираться во вкусах и модных веяниях. Наступали двадцатые годы второго тысячелетия, и Георгий Гаврилович с грустью понимал, что остался где-то там, в сладком мареве ушедшей эпохи двадцатилетней давности. Открыв скрипящий шкаф, он просто надел на себя все, в чем когда-то блистал, и почувствовал себя вновь молодым и привлекательным. Сам того не подозревая, он с точностью игрока в дартс, попал в самое яблочко винтажной моды, вызывающей глубокое почтение у современной молодёжи. И даже самый отпетый хипарь, помешанный на барахолках, снял бы широкополую федору при виде этого пожилого пижона.

Георгий Гаврилович хотел устроить себе маленький праздник.

Настроение было приподнятым и торжественным. Сегодня у него был день рождения, но словно дикарь из лесов Амазонки, Георгий Гаврилович знал лишь свой примерный возраст, небрежно сосчитанный по знаменательным событиям, каких было немного. Как и любому человеку, ему не хотелось стареть, и он нарочно отказался от напоминаний об этом неминуемом процессе. Но праздник есть праздник, от этого отказываться нельзя, поэтому, размахивая пакетом с сосисками, кряхтя и прихрамывая, он направлялся улаживать дела, а затем немного побаловать себя ужином, на который, помимо сосисок, собирался приобрести бутылку водки объемом не более чем “ноль-три”, чтобы не забалдеть.

По проспекту шли демонстранты с плакатами, призывающими неравнодушных восстать против диктатуры режима. Повсюду слышались политические лозунги, и Георгий Гаврилович свернул за угол, чтобы не быть случайно схваченным службами правопорядка. Он перестал интересоваться политикой два, а то и три десятка лет назад, на рубеже тысячелетий, когда и сам боролся за целостность привычного ему мира, но одержав сокрушительное поражение, оставил в сердце теплый уголок для приятной ностальгии по мороженому за одиннадцать копеек и похожему на ослиную мочу пиву из автомата, за двадцать две копейки.

– Удивительно... – пробормотал он, смотря как молодые люди раскачиваются на фонарях с оскорбительными криками в сторону власть имущих.

– Спокойно вам не живется. Палкой бы по голове надавать, чтоб неповадно было. – буркнул он, считая, что самые важные события в жизни страны произошли почти что три десятка

лет назад, а все что было после – лишь движение по инерции, которое не стоит пытаться прервать, подставляя хрупкую ногу под колеса неспешно ползущего поезда.

Георгий Гаврилович редко смотрел телевизор, но о жизни знал ровно столько, сколько позволяли знать телепередачи государственных каналов. Опасаясь быть причисленным к хулиганам, он развернулся и быстрыми шагами скрылся в переулке. Его путь лежал в злополучную нотариальную контору, принёсшую дурную весть и, что того хуже, заставившую Георгия Гавриловича вновь включить фонарик в бездне нежеланных воспоминаний.

2. У нотариуса

– Солянка! – закричала молодая секретарша, высунувшись из-за двери кабинета в который пытался пробиться Георгий Гаврилович, но быстро был осажен коллективом собравшейся очереди.

– Солянка! – Уже с сомнением повторила она, и недоумевающе уставилась в свой список.

– Это я! – отозвался задремавший Георгий Гаврилович, и поднял пакет с сосисками над головой, чтобы его заметили.

– Вы? – с сомнением спросила секретарша.

– Я! – Убедительно ответил ей Георгий Гаврилович.

– Это у вас фамилия странная такая? – издевательски повторила девушка.

– Так точно. Фамилия. Георгий Гаврилович Солянка.

– Тогда проходите. Самуил Матвеевич вас ожидает. – девушка говорила тонким кукольным голосом и игриво раскачивалась на каблучках. Глядя на ее аккуратную стройную фигурку и аппетитные формы, облаченные в строгий костюм, можно было простить ей легкое хамство. Маловероятно, что эта девушка могла похвалиться профессиональными навыками, но скорее всего она доставляла своему непосредственному начальнику немалое эстетическое удовольствие: как экзотическое растение, которые ставят в офисах, или аквариум с тропическими рыбками. Одета в узкую блузку и коротенькую чёрную юбку, она вызвала большое желание созерцать, и смотрелась лучше любого морского окуня и кактусов. Однажды девушка с удивлением спросила, почему выданная ей униформа с логотипом компании, на размер меньше чем нужно для содержания ее пышного бюста, и почему ей, как простому офисному работнику, воспрещается носить свою, приличествующую должностному положению, одежду. Сделав безразличный вид, руководитель лишь развел руками, в знак того, что есть некий непоколебимый регламент, обязывающий себя соблюдать, а с размером вышла какая-то ошибка. Самуилу Матвеевичу не хотелось оправдываться перед подчинённой из-за каких-то глупостей, поэтому он постарался вложить в свое лаконичное объяснение достаточное количество сухой информации, выставляющей собеседника невеждой в вопросах организационных. Бедной девушке пришлось смириться, и втиснуться в униформу. Она, конечно же, попросила заказать другой комплект одежды, но Самуил Матвеевич строго объяснил, что в соответствии с трудовым кодексом спецкомплект выдается раз в квартал. Наблюдая за тем как его подчиненная, стесненная тугой одеждой, гарцует по кабинету, он довольно причмокивал. Дела в последнее время шли неважно, как по линии работы, так и в личной жизни. По-настоящему денежных клиентов Самуил Матвеевич уже давно не принимал, и последнее время пытался выжать прибыль из всего, что попадало под руку, спасая свой когда-то процветающий бизнес. Он уже не помнил, когда последний раз по душам, без упреков разговаривал со своей единственной дочерью; это заставляло его грустить. Но каждый раз, глубоко погружившись в намозолившую глаза волокиту, или поймав состояние меланхолии, он просил подчиненную приоткрыть окно, и наслаждался тем как она медленно и грациозно проплывает перед глазами.

Георгий Гаврилович вскочил со стула и зашагал по паркетному полу, громко отбивая чечетку своими лакированными штиблетами. В кабинете сидел полный мужчина в белоснежной рубашке, плотно натянутой в области живота, и тяжело дыша смотрел на хаотично разбросанные по столу папки с документами. Время от времени он подергивал воротник и кричал:

– Катенька!

– Да, да, да, Самуил Матвеевич! – отвечала Катенька, голосом канарейки.

– Катенька! Почему так жарко?

– Так жара на улице! – с наивным недоумением отвечала Катенька.

– Так ведь у нас висит кондиционер!

– Он ведь уже неделю как не работает. Ждет ремонтников.

– Черт бы их побрал! Так и помереть не долго. – бранился Самуил Матвеевич, злобно треплющий ворот своей рубахи. Несмотря на то, что он испытывал серьезный дискомфорт в связи с поломкой, в сложившейся ситуации был ряд положительных моментов. Работа в душном помещении заставляла его подчиненную расстегивать плотную блузку ниже границы приличий.

– Присаживайтесь! – сказал он, указывая рукой на стул переминающемуся с ноги на ногу Георгию Гавриловичу.

– Вы Кулебяка? – спросил он прищурившись.

– Солянка! – с нескрываемым недовольством ответил Георгий Гаврилович.

– Ах, гражданин Солянка, простите великодушно! Совсем заработался. Меня зовут Самуил Матвеевич Мендель. Вы знаете, по какому делу мы вас вызвали? – жеманно произнес он, открывая папку с документами.

– Не имею ни малейшего понятия. – соврал Георгий Гаврилович.

– Ну как же вы не знаете? Мы вас уже несколько дней ждем! Речь пойдет о наследстве вашего покойного брата...

– Ничего об этом не знаю, мы с братом не были близки, и мне ничего от него не нужно!

– Однако, он оставил вам в наследство приличную сумму. Но если вы отказываетесь...

Эти слова волшебным образом подействовали на Георгия Гавриловича, растопив его напускное равнодушие.

– Нет, нет! О какой сумме речь? – встрепнулся Георгий Гаврилович.

– Один миллион рублей.

Георгий Гаврилович поднял брови и с недоумением спросил:

– Почему такая ровная сумма? Почему не триста тысяч, или не миллион пятьсот?

– Эту сумму определил покойный. Все остальное имущество он пожертвовал в благотворительные фонды, в основном в фонд защиты животных. Большая часть, конечно ушла на покрытие семейных долгов, но и зверушкам перепало. А вам вот, миллион деревянных! – разводя руками ответил Самуил Матвеевич, растянув на лице учтивую улыбку.

Георгий Гаврилович потер руки и взмахнул карманным гребнем по редким волосам.

– Он конечно был не самым лучшим родственничком, но деньги мне не помешают! Говорите, что я должен делать?

– Ничего сложного, расписаться вот здесь и выполнить небольшое условие, установленное покойным.

– Что это еще за условия у вас?

– Не у нас... условия получения наследства диктовал ныне покойный ваш брат. Он всего лишь хотел, чтобы вы ни копейки не давали его сыну, который, по словам покойного, вел неподобающий образ жизни.

– Какой, какой? – переспросил Георгий Гаврилович подозрительно прищурившись.

– В народе про таких говорят «вертопрах». – с учтивой улыбкой архаично выразился Самуил Матвеевич; он испытывал симпатию к устаревшим выражениям, и получал громадное удовольствие от их употребления – особенно если собеседник сумел его понять.

– Похоже на моего брата, всех учил жить. Последние годы, наверное, совсем из ума выжил. – бормотал себе под нос Георгий Гаврилович.

– Сенильный возраст; впрочем, это совсем не мое дело... – Самуил Матвеевич откашлялся, поправил очки и снова уставился на лист бумаги.

– Делить ли деньги, это дело ваше, я лишь соблюдаю формальности и по закону вынужден ознакомить вас со всеми имеющимися документами и их содержанием.

– Он совсем ничего не оставил сыну?

– Ничего.

– А квартира, он ведь жил в родительской квартире? – возмущенно спросил Георгий Гаврилович.

– Ушла с молотка. Даже не пытайтесь вернуть, я все проверил. – холодно ответил нотариус.

Самуил Матвеевич отлично знал, что стало с квартирой, ведь он лично участвовал в фальсификации документов для продажи, с чего получил свои дивиденды. Любые денежные махинации заставляли его ладони нервно потеть, но что-то внутри приятно клокотало, заставляя беспокойно крутить в руках предметы канцелярии. Каждый раз, когда внутри Самуила Матвеевича возникало теплое шkodливое чувство, он, сам того не понимая, оценивающе взглядывал на собеседника, опасаясь, что тот услышит его мысли и лихорадочно вытирал пот со лба.

3. Последняя встреча. Битва упрямцев

Георгий Гаврилович задумался. Он видел сына своего брата еще совсем маленьким. Это был поздний ребенок и отец его очень любил. Мальчика звали Николай и теперь ему было уже двадцать шесть. Еще, тогда, в своем малом возрасте, маленький Колька все время сидел на руках у отца, не желая ходить своими ногами. Георгий Гаврилович хорошо запомнил счастливую улыбку своего брата Александра, державшего на руках трёхлетнего плачущего Кольку. Запомнил он и уставшее, покрывшееся глубокомысленными морщинами лицо брата, все так же державшего десятилетнего Кольку на руках, во время их последней встречи, много лет назад.

– Наверно этот кобыленок так и ездил на отце, до конца его дней... – сказал в слух Георгий Гаврилович.

– Что, простите? – переспросил Самуил Матвеевич.

– Ничего, извините, задумался.

Георгий Гаврилович уже долгое время не видел родного брата Александра. Им всегда было тяжело понимать друг друга. Лучший период в отношениях пришелся на момент угнетающей безработицы в жизни инженера. Но в тот момент, когда потасканный временем Георгий Гаврилович, вновь вернулся к привычному и горячо любимому ремеслу, натянутые за многие годы жизни, отношения с треском лопнули, как резинка от застиранных кальсон. Со времени последней ссоры прошло уже много лет, но за это время ни один из участников конфликта не изъявил желания встретиться, не звонил, и не писал писем. Упрямство было ярко выраженной отличительной чертой представителей их семьи. Причиной конфликта, как и полагается, стала разность взглядов. Александр был затворником. Он любил вечера на даче, природу в ее девственной первозданной форме, не тронутой сальной рукой своих соплеменников. Любил растения и животных, шныряющих в лесах по воле инстинктов. Что Александр не любил, так это людей, с их религиями, идеологиями и деньгами. Для гражданина коммунистической страны, он был истинным вольнодумцем, настоящим юродивым среди истовых адептов культа, старательно возводящих Город Солнца. Он считал всех этих красных фигляров в мундирах шарлатанами, хитрыми ловцами наживы, готовыми устроить вокруг себя пепелище, сидя верхом на горе пиратски завоеванных сокровищ. Ему было наплевать на то, кто сейчас сидит на главном троне, и мнит себя владыкой сущего. Скорее всего этот человек был очередной сволочьей, потирающей маленькие ручки, словно енот-полоскун, затевая новую войну или политический конфликт. Только живой ум Александра, отсутствие интереса к политике и незаурядные таланты в профессии уберегли его от гибели в советские годы.

От отца Александр унаследовал тягу к медицине, холодный интеллект врача, ну и конечно же коммерческую жилку. В школе он предпочитал естественные науки, в особенности биологию, что подвигло его изучать медицину. За нескромную плату и без лишних терзаний совести, он с легкостью выполнял контрольные работы для других учащихся, обделенных талантами к учебе. Однажды ночью, погрузившись в изучение биосинтеза белка и гуморальной регуляции, уставший Александр перевернул стакан компота на подстеленную для поздней трапезы газету, заляпанную жирными пятнами колбасы. Быстро пробежав глазами содержание обширной статьи о вырубке леса, Александр узнал, что где-то в Сибири лесорубы выполнили тройную норму. Наблюдая затем, как статья превращается в расплывчатую кляксу, Александр думал о бедных лесных жителях, оставшихся без дома, и с ненавистью поглядывал на остатки колбасы. В этот момент он возненавидел человека и осознал, что судьба человечества ему абсолютно безразлична. Проведя небольшой самоанализ и расставив приоритеты не в пользу нашего вида, Александр решил, целиком и полностью посвятить себя ветеринарии, и впоследствии на этом поприще добился выдающихся успехов. Не было в союзном государстве колхоза, где бы не побывал Александр Солянка со своим кожаным саквояжем, наполненным блестя-

щими инструментами. Добрый доктор, герой соцтруда и человеконенавистник, лечил все: от конъюнктивита у кошек до запоров и желудочных колик у медведей. В годы перестройки он стал частным предпринимателем, уверенно отстаивавшим свое дело перед липкими щупальцами криминального мира. Под его началом работали приюты для животных и клиники. Человеком он был далеко не бедным, содержал фонды, учувствовал в благотворительности и не жалел собственных средств на благо всего, что не имело отношения к человеку.

Александр всем сердцем любил зверушек. Ненавидел он только одно прямоходящее, винил его во всех грехах, и искренне желал исчезновения вида. Да, он был одним из представителей того самого вида Хомо, что по роду и наследию делало его причастным ко всем преступлениям против природы, но это обстоятельство лишь ожесточало Александра. Сидя за рулем автомобиля, он ненавидел автомобиль, читая книгу, он проклинал целлюлозные комбинаты, полиграфические фабрики и вместе с ними всех лесорубов, и тех, кто дал им в руки топоры и пилы. Но книги ему все же нравились; они помогали в изучении супостата, и делали из Александра изошрённого мизантропа, отъявленного врага рода человеческого.

Во время семейных встреч, Александр непременно переходил к своей любимой теме разговора. Пригубив коньяка, он ударял кулаком по столу и объявлял, что человек как вид – лишь паразит, против которого у природы не нашлось пилули. Его протест основывался на том, что человек является инородным телом в организме природы, катастрофически бесполезным, издевающимся над другими живыми существами гадким приматом. Этот хитрый примат стойко справлялся со всеми катаклизмами болезнями и войнами. Во всеуслышание Александр утверждал, что человек есть inferнальное создание, не признающее никаких законов, кроме своих собственных. Случайно возникшая в природе белковая субстанция, облако кварков и электронов, белковый гомункул, взобравшийся по трупам на вершину пищевой цепочки, и от безделья и эгоизма стремящийся к саморазрушению и уничтожению всего вокруг. Александр мог бы с наслаждением, часами подбирать ядовитые эпитеты в адрес своего вида, но не найдя в брате единомышленника, совсем зачах, стал угрюм и нелюдим.

Демонический облик принял и Георгий Гаврилович в глазах брата, когда устроился инженером на завод. Все превратности жизни Георгия: гулянки, алкоголь, женщины, политические убеждения – все это меркло по сравнению с его профессией. Конечно же, Александр пытался переубедить брата, и был дьявольски красноречив, но все оказалось тщетно. Георгий никогда не проявлял интереса к семейным делам, не разделял взглядов брата, ему нравился дух времени, утопический брутализм и советская идея как громадная машина, неумолимо движущаяся по пути прогресса. В школе он отдавал предпочтение техническим наукам, ему нравились технологии и советские люди со своим трудолюбивым интеллектом и причудливой верой в равенство. Он считал советского человека вполне логичной и математически выверенной формулой. Не идеально, но очень удачно сложенным конструктором, сотворенным для того чтобы стать шестерёнкой огромного механизма. Нередко семейные встречи превращались в ссоры, когда уставший от долгих нудных речей брата, Георгий, решал противопоставить им триумфальный панегирик в защиту отечества и населяющих его советских приматов. Он заявлял, что советский человек победил природу. Что природа всегда желала уничтожить человека, но он придумал машины и орудия, доказав тем самым, кто главный, и кто вправе устанавливать свои законы. И если был когда-то бог, то человек победил и его, и сам стал богом. Его брат Александр верил в бога, он не был религиозен, но верил во что-то высшее, мудрое, и глубоко опечаленное неудачным экспериментом по разведению двуногих существ в своих плохо простерилизованных пробирках. Тем не менее, Александр считал необходимым, “выбивать из брата дурь” посредством дуэли, и неоднократно, взяв из тарелки комок слипшегося салата с селедкой под майонезом, размазывал по лицу Георгия густую субстанцию. Георгий не верил ни во что, кроме вождей. По своей профессии и натуре он был заурядным инженером, и вообще не задавался глубокими жизненными вопросами (кроме партийных), а если бы задумался, то

решил бы, что победил природу и бога Маркс, человека создал Ленин, как кочерыжку, а обте-сал и облагородил Сталин, взяв в ленинском сарае топорик и шкурку. Драки завершались вни-чью. Георгий в очередной раз уходил из дома брата чертыхаясь и громко хлопнув дверью.

Георгий любил заводы – как результат прогресса, достижение советского человека. Он с большим удовольствием пошел работать после техникума. Александр ненавидел заводы, раз-говоры о них приводили его в ярость. Заводы уничтожали биосферу, и им не было оправдания в сердце Александра. Он считал их тотемом культуры безмерного потребления. Заводы загряз-няли землю и давали рабочие места балбесам, плюющим в колодец, для того чтобы получить возможность из него пить, и распиливающим деревья – для того чтобы на них посидеть. Эти дьявольские машины и их рабы, словно золотые лани выбивали копытцем сказочные богатства для тех, кто не сможет потратить за свою жизнь и половины, так и уснув мертвым сном на горе золота, как дракон из сказки. Александра приводило в бешенство желание людей поддержи-вать работу того, что делает мир отвратительным и непригодным для жизни.

Схватив в руки кочергу для камина так, словно это пехотная винтовка, и покраснев от нахлынувших чувств, он рассказывал зевающему от скуки Георгию об оружейных заво-дах, коптящих небо и создающих тонны бесполезных железяк, заменивших приматам копыя и дубинки. Подняв над собой бутылку коньяка, он обрушивался на алкогольные фабрики, производящие отраву, которая делала слабовольных приматов более смиренными и податли-выми для совершения подлостей над природой. Огнем горели в его фантазии полиграфиче-ские заводы, на которых гигантские машины, потребляя безумное количество электроэнергии, без устали, днем и ночью, печатали тонны этикеток для продуктов, обреченных оказаться под ногами зевак, не помышляющих о том, что безобидные на первый взгляд фантики, раскра-шенные пестрыми рисунками, не способны стать частью жизненного цикла. Александр срывал этикетку с бутылки и тыкал в лицо Георгия.

– Ты что, не понимаешь?! Глупцы приходят в магазины и кидаются на блестящее словно сороки, а затем бросают все себе под ноги. Слово раковые клетки, землю покрывают несъе-добные для червей полимеры и тонны отработанных жидкостей, подлю вылитых на провинци-альных свалках, и утекших в болота и реки! Ты пьешь эту воду, ты дышишь этим воздухом! Мы живем так, словно после нас больше ничего не будет! – кричал он.

– Ты, Саша не любишь никого. А самое главное: не любишь Родину, хотя всем ей обя-зан. – обиженно отвечал Георгий Гаврилович.

– Я обязан? Да что я должен этой стране, этой утопии, перед которой ты падаешь на колени? Или этим двуногим существам, пожирающим других существ своими челюстями тра-воядных? Будь природа еще менее благосклонна к устройству жевательного аппарата этих поганцев, они бы делали из животных смузи и выпивали бы этот мир через трубочку назло всему.

У Александра шла кругом голова от масштабов безумия, с которым человек проходит свою историю, от бесшабашности в отношении к окружающему миру. Он хотел бы дать плетей каждому, кто этому потакает, каждому, кто участвует в спиливании веток, на которых гнез-дятся человеческие твари, каждому, кто разбрасывается камнями в стеклянном доме природы. Но он чувствовал, что был бессилён. Все его старания были напрасны, а слова растворялись в воздухе. Он лишь мог объявить бойкот человечеству. Ненавидеть его и презирать. В тот момент, когда Георгий Гаврилович, младший брат Александра, один из продолжателей рода Солянка, заявил, что снова устроился на завод, сердце Александра было разбито. Георгий мог бы заниматься с братом одним делом, и разделить с ним вселенскую скорбь по умирающей планете, поруганной и истощенной двуногими тварями, но работал на заводах и был от них в восторге.

Георгий Гаврилович мало радовал старшего брата, и мыслил, по его мнению, примитивно и мелко, бесконечно подпрыгивая на зубьях аккуратно уложенных под ногами граблей. Братья

Солянка с отверженной одержимостью соперничали в упрямстве, горячо отстаивая право на жизнь для своих идеалов. В каком-то смысле им обоим был присущ губительный идеализм. Смолоду Георгий был партийным псом, трутнем на службе режима. Его всегда любили фабричные девчонки, к которым он тайком лазил по ночам в окна общежитий, его всегда хвалило начальство, за преданность отечеству и самоотверженный труд. Георгий Гаврилович хвастался этим за семейными обедами, вознося хвалу трудящимся и выражая глубочайшее почтение управлению и своему начальству в особенности. По его жизни в Советском Союзе, можно было снимать пропагандистское кино. Как-то директор предприятия, обратившись к Георгию Гавриловичу, сказал:

– Ты не просто инженеришка-чертежник, Жора! Когда-нибудь ты будешь главным конструктором! – заплетающимся языком сказал директор, поднял палец над головой, и так сильно икнул, что потерял ориентацию в пространстве, сделав два шага назад и закатив глаза. От него пахло портвейном, а на брюках со стрелками зияла широко распахнутая молния, открывающая просторное оконце для желающих убедиться, что директор никогда не носил нижнее белье.

– Спасибо за доверие! Служу Советскому Союзу! – гордо ответил Георгий Гаврилович.

В тот же день хмельной директор попросил Георгия Гавриловича пустить его за руль тест-объекта автомобиля чтобы лично проверить качество потенциального лидера советского автомобильного рынка. Георгий Гаврилович пожал плечами и уселся рядом на пассажирское сидение. Через несколько минут машина обняла ближайшее от полигона дерево, а невредимый Георгий Гаврилович повис на суку, выброшенный от удара через тканевый тент, натянутый вместо крыши автомобиля. Ошарашенный инженер выдохнул, осознав, что цел и невредим, но через секунду сук, на котором он висел, подломился, и Георгий Гаврилович упал, сломав ногу в двух местах. Оставшаяся на всю жизнь хромота напоминала ему о прочности советских машин, способных устоять даже при прямом столкновении с деревом. Георгий Гаврилович кряхтел при ходьбе, но ощущал не только боль, но и гордость.

4. Главным конструктором Георгий так и не стал.

Во время перестройки Георгий Гаврилович потерял работу и ударился в политику, перебивался малыми заработками, и сломя голову носился с транспарантами, пытаясь удержаться когтями за столь любимое им ускользящее прошлое. Но оказавшись на развалинах эпохи, потерянный и разочарованный, Георгий вновь упал в объятия промышленности. Это событие поставило точку в отношениях двух братьев Солянка, и заставило Александра окончательно разочароваться в брате. Было совершенно не важно, чем занимается предприятие, на которое устроился работать Георгий Гаврилович: заводы являли собой чистое зло, и Георгий снова работал на это зло. Глаза Александра наполнялись слезами от досады, они больше не могли смотреть на этого человека, приходящегося ему кровным братом. Их разделяла мудрость целой жизни. Слово «завод» было крамольным, и звучало как хула на все сущее.

– Что это за завод? – леденящим тоном спросил Александр.

– Там делают разные оздоровительные препараты. Не фармакология, скорее народная медицина... – промямлил Георгий Гаврилович, почесывая затылок и уставившись в пол. Он изо всех сил пытался сгладить углы, хорошо зная своего брата.

– Я знал, что из тебя ни черта не получится, еще когда ты пошел учиться в этот поганый техникум. Что тебе дали эти заводы? Хромаешь как прокаженный, да и только... – отрезал Александр.

– Что ты завелся? Нормальная работа. Я младший инженер, слежу за оборудованием и все такое... Чем тебе не нравится народная медицина? Папаша ей занимался, да и ты же сам врач.

– Я ветеринар. – злобно прошипел Александр.

– А я инженер. Мне нужно зарабатывать на хлеб. Я уже не молод, знаешь ли; чему научился, то и делаю – разозлился Георгий Гаврилович.

Рассказывая о новом месте работы, Георгий Гаврилович слегка лукавил. Завод, на котором он теперь трудился, гордо именовался «Барсучья струя». На нем изготавливались лекарственные средства из семени умерщвленных барсуков, отдавших содержимое своих парных желез во благо человеческому здоровью и крепкой потенции.

– Я бы мог дать тебе любые деньги, лишь бы ты... – начал Александр, сдерживая слезы.

– Да подавись ты своими деньгами! Я самостоятельный человек! Если бы гнался за деньгами, не пошел бы учиться, а встал бы с молодых лет на конвейер! Тебе, вон, есть о ком заботиться! – Георгий Гаврилович указал на маленького племянника.

– Я не хочу тебя больше видеть Георгий – холодно сказал брат и отвернулся, а сидевший на руках у отца Колька издевательски показал язык своему дяде через плечо отца.

Это была последняя встреча двоих упрямец, на которой Георгий Гаврилович так и не решился сказать, что привезенное из регионов семя мертвых зверьков ежедневно перекачивается им лично, из огромных емкостей, зловонно пахнущих смертью и сексом.

* * *

Георгий Гаврилович знал, что за последние годы брат открыл несколько своих клиник, купил много недвижимости, в том числе и за рубежом, но из всего этого он решил оставить брату только миллион рублей, а собственному сыну, ничего.

– Хорош братец – иронично усмехнулся Георгий Гаврилович.

– Что вы сказали? – переспросил Самуил Матвеевич, взглянув из-под очков на погрузившегося в бездну воспоминаний Георгия Гавриловича.

– Ничего, извините, задумался. – ответил бывший советский инженер Солянка.

– Итак, все бумаги готовы. Вам лишь нужно поставить несколько подписей, заполнить документы на получение наследства, указать номер банковского счета и «вуаля!», вы уже миллионер, поздравляю.

– А что, звучит неплохо! – на лице Георгия Гавриловича появилась довольная улыбка; он только сейчас осознал, что получит безвозмездно большую денежную сумму.

– Даже не знаю, что с ними делать.

– С кем – с ними? – непонимающе переспросил Самуил Матвеевич.

– С деньгами!

– А, с деньгами. Я уверен, разберетесь. Я думаю, вам не сложно будет исполнить пожелание покойного? – подмигивая спросил Самуил Матвеевич.

– Да что же мне, жалко, что ли? Если бы сказали поделить, я бы поделил... – засмутившись начал Георгий Гаврилович.

– Конечно-конечно, уверен в вашей порядочности, гражданин Солянка.

5. Нежданные гости

Солянка вышел на улицу в приподнятом настроении, его мысли кружили где-то в кабаках с пышногрудыми танцовщицами, курящими длинные тонкие сигареты у него на коленях. Он знал, что не станет тратить деньги столь бездумно, но помечтать об этом не мог себе отказать. Пританцовывая и звонко отчеканивая подмётками своих туфель по мостовой, он насвистывал и подмигивал прохожим. По его лысеющей макушке начинали барабанить крупные капли из медленно наплывающей свинцовой тучи, нависшей над городом, и Георгию Гавриловичу пришлось ускорить шаг. Пройдя через арку дома на своей улице, он заметил, что у подъезда стоит молодой человек. Парень прижался спиной к стене и задумчиво курил сигарету. На его щеках была видна легкая небритость, вьющиеся волосы на голове были слегка растрепаны, а большие карие глаза устремились в даль. На нем была модная кожаная куртка с короткой талией и темные зауженные у щиколоток джинсы. Что-то отдаленно знакомое увидел в нем Георгий Гаврилович. Выразительные волевые черты лица, тяжёлый взгляд, крупный аккуратный нос. Этот парень удивительно напоминал Солянке молодого себя: поджарого, подтянутого любимца трудовых женщин с советских плакатов. Ах, сколько у него было женщин!.. Студентки вузов, продавщицы, фабричные работницы, стюардессы, была даже одна шпалоукладчица, но памятуя о ее сексуальных предпочтениях, инженер вздрогнул. Женщина была недюжинной силы, могла свернуть человека в серп, а сама выступить молотом, чтобы предаться этакой самоизобретённой камасутре, под красным флагом отечества. Георгий Гаврилович на секунду поддался грусти, он подумал, что уже слишком стар для таких фантазий, но решив отбросить все мысли о бренности бытия, пошел дальше. Приложив ключ к двери домофона, он повернулся, чтобы еще раз взглянуть на парня.

«Это ведь тот самый тип, из магазина!» – промелькнуло в голове Георгия Гавриловича.

Парень взглянул ему в лицо и широко улыбнувшись сказал:

– Неужто вы меня узнали?

– Нет. – холодно ответил Георгий Гаврилович и потянул дверь на себя.

– Ну как же, я же вижу, что узнали меня! Это же я, Николай, сын вашего покойного брата.

– Вы меня с кем-то спутали... – нервно пробурчал Георгий Гаврилович и еще раз попытался дернуть дверь. В этот момент он заметил, что парень плотно прижал ее ногой и всем своим видом показывает, что никакой ошибки быть не может.

– Вы, Георгий Гаврилович Солянка. А я Николай, сын вашего брата.

– У меня нет брата! – холодно ответил Георгий Гаврилович, он с силой дернул дверь, но ничего не вышло.

– Как же нет? Александр Солянка, вспомнили?

– Смутно помню.

– Может, пригласите на чай?

Георгий Гаврилович понял, что ему не отвертеться. Он осознавал, о чем может пойти разговор, но путей к отступлению не придумал.

– Проходите – прошипел он, после чего глубоко вздохнул, закатив глаза, и парень отпустил ногу.

В коммунальной квартире на одной из центральных улиц города, в которой много лет жил Георгий Гаврилович, пахло сыростью, в коридоре было развешено соседское белье, валялись банные принадлежности, в углу пылился старый самогонный аппарат, рыболовные снасти, и прочий хлам, не поместившийся в скромные комнаты жильцов. Среди прочего мусора на полу было много детских игрушек. Николай наступил на одну из них, и та издала свистящий звук, от которого хромающий Георгий Гаврилович подпрыгнул и выругался.

Детей у самого Георгия Гавриловича не было, последняя женщина, которая у него была, с отвращением заметила, что каждый день от него пахнет звериным сексом. Ее нестерпимо тошнило от этого с трудом смывающегося запаха барсучьего семени, и в итоге она ушла. Комната Георгия Гавриловича одиноко пустовала без женских рук, на стенах завернулись обои с высохшими следами потопа, устроенного соседом сверху, элементами декора являлись старые советские плакаты, призывающие к труду, и олени рога, под которыми грозно висело ружье. Войдя в комнату, Георгий Гаврилович скинул пиджак и положил пакет на стол.

Беспардонно плюхнувшись в протертое кресло Николай закинул ноги на чайный столик и спросил:

– Стреляет?

– Кто? – переспросил окончательно поникший Георгий Гаврилович.

– Ружо.

– А, это... ну да, почему бы и нет.

Николай обратил внимание на лежащий рядом пакет, и аккуратно приоткрыв его, указательным пальцем спросил:

– Что сегодня за праздник?

– Не ваше дело – ответил Георгий Гаврилович и поставил пакет на подоконник.

– Водка и сосиски! Да вы аристократ! – рассмеялся парень.

Николай закурил сигарету.

– Я попросил бы вас не курить – грозно начал Георгий Гаврилович.

– Не беспокойтесь, папаша! Это легкие.

– Я не о вашем здоровье беспокоюсь! У меня в комнате не курят!

– Позвольте мне такую вольность, все же мы с вами на так часто видимся, хотелось бы полностью насладиться моментом воссоединения последних представителей семьи. Не нарушайте идиллию этого дивного момента – с театральной выразительностью произнес молодой человек, издевательски улыбаясь и хитро прищурился.

– Какой семьи? Бросьте вы эту сигарету... и обувь снимите, черт вас дерит, вы находитесь в чужом доме! – раздраженно ответил Георгий Гаврилович.

– Я к вам по какому делу!.. – перебил Николай, продолжая раскуривать сигарету.

– По какому же? – прошипел как змея Георгий Гаврилович, чувствуя подвох.

– Может быть поставите чайник, выпьем по кружечке, а потом поговорим? – спокойно спросил Николай.

– Послушайте, юноша, я не намерен терпеть у себя дома подобного хамства. Говорите зачем пришли, и перестаньте стряхивать пепел на ковер! – разгневанно зарычал Георгий Гаврилович.

– Полегче, Георгий, Жорж, дядя Жорж! Могу я вас так называть? Дядя Жорж? – примиряюще начал Николай.

– Нет, я против!

– Все же я бы настоял. Звучит красиво – парень мечтательно глядел в потолок и пускал кольца дыма изо рта.

– Я бы не хотел, чтобы меня называли на французский манер, да еще так...по-щегольски! – Георгий Гаврилович с гордой обидой задрал нос.

– Ну мы же с вами не чужие люди, прошу вас, к тому же, вы сейчас выглядите как настоящий Жорж. Этот ваш винтажный наряд, но думаю вы как раз по моде – молодой человек с издевательской улыбкой окинул взглядом Георгия Гавриловича.

– Колька, щенок, ну ка хватит играть со мной в эти игры! Говори зачем пришел! – разъяренно закричал Георгий Гаврилович, обозлённый столь наглым замечанием по поводу своего парадного костюма.

– Ах, вы все-таки меня помните, дядя Жорж! Что же вы тогда дурачка из себя корчите?

– Ну ка выметайся отседова! – заорал Георгий Гаврилович, вскинув по-фашистски руку от сердца к двери.

– На улице дождь! Негоже выпроваживать гостя, дядюшка – спокойно ответил Николай.

– А мне плевать!

– Значит, вы папенькины денежки решили себе оставить? Так? – не обращая внимания на агрессивный выпад, продолжил Николай, разглядывая свои ногти на руке.

– Так вот ты зачем пришел, оборванец? Нет у меня никаких денег, мы с твоим отцом не общались с тех пор как ты на горшок ходил, а папка за тобой по квартире бегал, чтобы задницу подтереть. Решил теперь мне на шею сесть? А вот тебе! – в разгоряченном состоянии Георгий Гаврилович сунул дулю прямо под нос Николаю. Николай в свою очередь, не обратил на него никакого внимания.

– Думаю, вам нужно со мной поделиться... нет, я в этом просто уверен! Вам это необходимо! Кстати, чем у вас воняет? Как будто... или... – Николай задумался, резко встал и одним шагом подскочил к Георгию Гавриловичу. Ошарашенный инженер замер в ожидании, что его будут бить, но Николай взял его за руку и понюхал рукав.

– Тьфу ты, дядя Жорж, чем от вас так воняет? Вас что, пыталась изнасиловать стая бродячих псов? По каким канавам вы ползали? Когда вы отдадите полагающиеся мне восемьдесят процентов наследства, я обещаю подарить вам парфюм из последней коллекции какой-нибудь именитой парфюмерной компании. Мой хороший друг продает контрабанду из Италии...

– Ни черта ты не получишь; твой покойный отец захотел оставить тебя без гроша! – вновь закричал Георгий Гаврилович.

– То есть существование денег вы не отрицаете?

Георгий Гаврилович растерялся; ему показалось, что если бы он вел себя более спокойно и сдержанно, то возможно отвел бы от себя подозрения. Но он явно где-то просчитался, и теперь уже сам не помнил, упомянул ли про существование денег.

– Ну как, дядя Жорж? Готовы поговорить спокойно? – снова плюхнувшись в кресло, спросил Николай.

– Пшёл вон, щенок – прошипел Георгий Гаврилович, разгневанный дерзким поведением племянника и собственной невежественностью в вопросах полемики.

– Постыдились бы, дядя Жорж. Вы же из солидной петербургской семьи, а разговариваете так, будто всю жизнь танцевали камаринского в трактирах. Ну ничего, я вас прощаю. Мы с вами нормально побеседуем, вот только чаю бы... – Николай забегал глазами в поисках чайника для кипячения воды.

– На подоконнике... – сказал Георгий Гаврилович, понимая, что просто так не отвертеться, и пора брать себя в руки.

– Вот и славненько – Николай потер руки и улыбаясь направился к чайнику.

Георгий Гаврилович молча присел на стул и, сгорбившись, уставился в пол. Он был сильно раздражен внезапным визитом, и его мысли беспорядочно двигались с нарастающей скоростью, словно молекулы кипящей воды, порождая только брань и недовольство. Собственно, он так и представлял свою голову: в виде трясущегося чайника, из которого вот-вот повалит пар. Но сейчас от него требовалось взять себя в руки и тактично выпроводить ретивого юнца. Николай присвистывая наливал воду, а Георгий Гаврилович злобно наблюдал.

– Ну так что, готовы пообщаться? – спросил Николай.

– Какого черта ты хочешь? Говори и проваливай! Я занятой человек!

– Ой как грубо, дядя Жорж, ой как грубо, хватит вам уже чертыхаться! К вам пришел единственный живой родственник, а вы так нехорошо себя ведете. Я вижу, что вы крайне занятой человек. – сказал Николай, вытащив водку из стоящего на окне пакета, и с интересом уставившись на этикетку.

– Убери свои руки от моих вещей! Ты хотел со мной говорить? Так вот, я тебя слушаю, что ты хочешь мне сказать?

– Я хочу знать, дядя Жорж, что вы делали сегодня в двенадцать часов дня в нотариальной конторе? – хитро прищурившись начал Николай.

– Какое тебе дело? Я писал завещание или консультировался, или еще что-нибудь делал. И вообще, это тебя не касается! Ты что, за мной следил? – возмущенно выдавил из себя разгневанный инженер.

– Я вам отвечу сам. Вы справлялись о финансовых делах моего покойного батюшки. А точнее, получали свою часть наследства – будто не замечая острых реплик своего дяди, сказал Николай.

– Хочу подчеркнуть: свою! – холодно прошипел Георгий Гаврилович, твердо убедившись, что отвертеться здесь не получится и пора переходить в наступление.

– Подчеркивать ничего не нужно: и мне и вам, прекрасно известно, что мы с вами являемся ближайшими родственниками покойного батюшки, и имеем одинаковые права на наследство.

– Вон отсюда – спокойно сказал Георгий Гаврилович. Он сидел, упираясь локтями в колени и устало прикрывал лицо ладонями.

– Мы не договорили... – начал Николай.

– Вон! – значительно громче произнес Георгий Гаврилович, не поднимая головы.

– Но... – начал Николай.

– Вон, я сказал! – заорал Георгий Гаврилович.

– Ну знаете... сейчас я уйду... но... а, впрочем, сами увидите. – Николай потушил очередную сигарету в кипящий чайник и гордо вышел, хлопнув дверью.

– Да что ты можешь сделать, сосунок! Ты только вчера спрыгнул с отцовских коленей, а уже строишь из себя взрослого! Пришел, и строит из себя сыщика; да мне плевать что ты там задумал! – заорал ему вслед Георгий Гаврилович, но быстро опомнился и почувствовал, что ведет себя совсем неприлично.

– Чертов щенок... – пробурчал себе под нос Георгий Гаврилович и закинул в закипающий чайник принесенные сосиски.

Николай вышел из подъезда громко хлопнув дверью и снова закурил сигарету.

– Значит, не хочешь по-хорошему, дядя Жорж? – рассерженно произнес он себе под нос.

Георгий Гаврилович сидел на скрипучем табурете посреди своей комнаты и раскачиваясь рассуждал вслух.

– Что этот наглец себе позволяет!? Вламывается в чужой дом, ведет себя как скотина, требует деньги! ...Деньги! У меня ведь теперь есть деньги!

Георгий Гаврилович задумался. Миллион все же был не той суммой, с которой остатки жизни можно провести в объятиях роскоши, но сам факт наличия такой суммы в кармане не мог не радовать простого инженера. Разыгравшаяся фантазия рождала самые причудливые картины. Георгий Гаврилович представлял себя лежащим под кубинским солнцем в разноцветной панаме. На Кубе Георгий Гаврилович никогда не был, поэтому она представлялась ему подобной курортам Черного моря, с многочисленными шалманами и пивными, когда он не стеснялся сбрасывать плавки на пляже в Симеизе. Но в новой фантазии был уже другой «он», богатый и статный. Вокруг ходили девушки в купальниках разной степени откровенности, и ему не нужно было прятать похоть под солнцезащитными очками, ведь теперь он был не просто инженером, отвечающим за насосную станцию, перекачивающую сотни литров грешного сока побежденных техническим прогрессом зверьков – он был новоиспеченным обладателем крупной суммы денег. Девушки кокетливо улыбались и шёпотом спрашивали у подружек: «Кто этот импозантный мужчина в панаме?»

«Это советский инженер, новый рублевый миллионер» – отвечали им те, кто знал.

«Ого, ничего себе!» – восхищались окружающие.

– Может быть имя Джордж мне действительно подойдет? – с довольной улыбкой произнес Георгий Гаврилович, окончательно провалившийся в фантазийный мир своего богатства. Полуголые женщины со смуглой кожей танцевали вокруг него, когда за дверью раздался громкий голос:

– Жора!

– Жора, блядь! – проревел еще громче голос, и в дверь сильно постучали три раза.

Георгий Гаврилович встрепенулся будто воробушек, и на цыпочках подошел к двери.

– Жора, я знаю, что ты там, Жора. А ну открывай!

Внезапно у Георгия Гавриловича запершило в горле. Он слегка откашлялся, прикрыв рот, но осознав, что выдал себя, прикусил рукав. Человек за дверью затих и прислонился ухом к замочной скважине.

– Я слышу тебя Жора, слышу твое дыхание – проговорил шёпотом человек за дверью.

Георгий Гаврилович, решив, что дальнейшая конспирация не имеет никакого смысла отошел на цыпочках к окну и притворным голосом, ответил гостю из дальнего конца комнаты:

– Кто там? Я сплю.

– Ты не спишь, Жора. Я тебя вижу в замочную скважину! Открывай, Жора!

Распахнув дверь, Георгий Гаврилович увидел покачивающегося на ногах соседа Володю. Тот в свою очередь смотрел на инженера мутными стеклянными глазами.

– Дай полтинник! – сказал Володя, не здороваясь.

– Что? – переспросил Георгий Гаврилович, подавляя притворную зевоту.

– Полтинник! – повторил Володя.

– Я не дам вам денег, к тому же вы пьяны... – возмутился инженер, но не успел договорить.

– Ты мне должен! – заревел Володя, воинственно упершись руками в косяки дверного проема.

– Позвольте, ничего я вам не должен – удивился Георгий Гаврилович.

– Может и не должен – спокойно подтвердил Володя и громко икнул.

– Так что же вы пришли?

– Давай полтинник.

– Ничего я вам не дам.

– Как это получается? Миллионером значит стал, а полтинник жалко? – обидчиво вскрикнул Володя.

– Глупости какие-то... – растерянно начал инженер Солянка.

– Я все слышал, стоял вот здесь и все слышал... – зашипел Володя.

– Какое вы имели право? Это не ваше дело, и вообще, вы все неправильно поняли – Растерянно попытался оправдаться Георгий Гаврилович.

– Значит так. Если прямо сейчас я не получу сотню, то прямиком пойду по соседям с историей о подпольном миллионэре, живущем с ними на одной жилплощади.

Георгий Гаврилович не хотел сплетен и машинально полез в карман за деньгами. Все что он смог ответить обидчику:

– Был же полтинник?

– А теперь двести – подытожил заплетающимся языком, еле удерживающийся на ногах Володя.

Получив деньги, шантажист направился прямо по коридору, держась рукой за стену, будто слепой.

Георгий Гаврилович почувствовал, что устал. Сняв с ноги башмак, он лениво швырнул его в угол, следом за ним отправился второй. Уставший от дневных потрясений инженер Солянка сел на диван и тут же открыл бутылку водки.

6. Николай и Валя

Быстрыми шагами по проспекту шел молодой человек незаурядной внешности. Густые вьющиеся волосы, скульптурный греческий нос, большие карие глаза и легкая небритость. Встречные девушки кокетливо улыбались ему и, поймав взгляд, смущенно отворачивались. Парень был хорош собой и неплохо одет. Нахмутив брови, он шагал по центральному проспекту, засунув руки в карманы куртки. Его лицо выражало крайнюю степень озабоченности. Наконец он остановился и закурил сигарету. Ему некогда было думать о девушках и их игривых улыбках. Необходимо было взять себя в руки, и на холодную голову придумать план дальнейших действий. Реакция дяди крайне рассердила Николая. Немного успокоившись и осмыслив происходящее, он даже ехидно улыбнулся.

– Ну ладно, дядя Жорж, посмотрим кто кого! – сказал он сам себе. Он уже немного отошел от горячки, в которую впал после скандальной встречи, и теперь в его голове снова воцарились спокойствие и порядок. Выбросив окурок, Николай взглянул на себя в витрину магазина напротив. Он увидел молодого парня, глаза которого горели пламенем свободы, пламенем борьбы за идеалы молодости. Это пламя могло бы изменить мир, сдвинуть горы, заставить время пойти вспять – но сразу после того, как нога Николая брезгливо перешагнет через оплеванное эго упрямого дяди. Улыбнувшись своему отражению, он поправил челку, горделиво приосанился, и пошел дальше по проспекту. Теперь он уже замечал проходящих мимо молодых нимф, и отвечал на их улыбки лукавым загадочным прищуром.

Николай жил у своего товарища, бывшего однокурсника Вали. Это была просторная комната в коммуналке с видом на проспект. Валентин по праву владел комнатой, оставшейся ему от бабки, и брал со своего близкого друга скромную плату за жилье. Ребята отлично уживались, так как личная жизнь у Вали отсутствовала. Все его время занимала работа. К тому же, Валя был убежденным гомосексуалистом; не из тех людей что пробуют что-то новое, и не из тех что поехали крышей и хотят поделиться с миром своим безумием, а из тех что тихо и мирно любят член. Валя трудился на художественном поприще, целыми днями, он бегал по центру и продавал свои картины заезжему люду. Часами Валя мог просиживать за мольбертом на Дворцовой, малюя портреты желающих увековечить себя на бумаге. Паренек был талантлив, и по желанию мог исполнить любой идиотский каприз иностранного туриста, будь то смешной шарж с огромными головами и гипертрофированными улыбками, или точный портрет, наклеенный на тело атлета или фигуру ушедших эпох с приличествующим тому костюмом или мундиром. Валя мастерски копировал любые стили, отчего постоянно пребывал в печали по поводу отсутствия своего. Однажды по заказу какого-то престарелого французика, он так виртуозно нарисовал заказчика в стиле Поля Гогена, что одновременно получил немалый гонорар от довольного покупателя. Восторженный француз, заявил, что Валя – современный гений импрессионизма. Но в действительности для Вали подобная работа была сущим пустяком, небрежным наложением мазков и баловством с цветами. Посчитав что искусство – это не подражание великим с издевательским коллажированием лиц туристов, Валя обещал себе пропить в тот же вечер все до копейки. Так он и поступил. Но сумма гонорара была столь велика для желудка, что Вале пришлось напропалую угощать всех посетителей излюбленного кабака, но и тогда деньги остались. Следующую неделю Валя провел в реанимации под капельницей с сильной интоксикацией организма. Бывало и такое, что он просто часами лежал на полу, весь измазанный красками в поисках столь редко появляющейся музыки. Чтобы не умереть в одиночестве в творческих терзаниях, Валентин подсел к себе своего студенческого товарища Николая, который служил хорошим собеседником и проявлял себя как очень прилежный сожитель. Коля мог дать хороший совет, и вообще неплохо разбирался в искусстве (не осилив и половины академических часов их прежней альма-матер). Николай не был доволен нынешним положе-

нием своих дел и стесненными обстоятельствами, в которых вынужден был пребывать. Он был человеком широкой души, и расставался с деньгами легко, именно поэтому их никогда и не было. Он не считал себя частью творческой интеллигенции, но повадки имел те же. Молодая творческая богема Петербурга жила пошленько, но с полагающейся ей надменностью и напускным аристократизмом. Вечера за дешёвым вином, разговоры о парадигмах искусства, и чванливое пренебрежение непосвященными, становились основными целями существования. Каждый год художественные вузы выплевывали в мир новую пачку снобов, готовых рассказать миру о своей уникальности за стойкой бара каждую пятницу вечером, после смены на кассе в магазине «Все для художника». Обреченные на скитания с бесполезным дипломом искусствоведа, эти люди как правило заканчивали свои творческие проекты не начав, а искусству посвящали лишь беседы о нем. Бесконечные разговоры о высоком успели утомить Николая еще во время учебы в академии, но иногда ему все же нравились посиделки с тем самым дешевым винишком и философией. Он не хотел оканчивать свои дни, пытаясь построить карьеру в гардеробе краеведческого музея, поэтому работал где придется, как правило не слишком долго, чтобы не воспринимать это как свою профессию. Ну и, конечно, постоянно думал об искусстве и жертве, которую нужно принести, чтобы создать какой-то необыкновенный проект. Настоящим людям искусства, как считал Николай, необходимо пребывать в нужде – как в старой поговорке. Это позволяет разуму работать на пределе, и открывать перед человеком неожиданные грани его собственного сознания. Словно путник, пересекающий пустыню, и вдруг осознавший, что способен совершить подвиг на грани жизни и смерти, творец должен проходить испытания, чтобы через них познать себя. Своим испытанием Николай считал пребывание в этой самой комнате, на полу которой были разбросаны принадлежности для живописи, наброски, и прочий хлам, а по стене бродили громадные тараканы, размером с ладонь ребенка, и хищно поглядывали на крошки, застрявшие в бороде, заснувшего на полу Валя. Когда Николай вошел в комнату, Валя испуганно приоткрыл глаза, и ловко сел по-турецки, пытаясь сфокусировать зрение.

– С пробуждением тебя. Ты что, снова заснул на полу? – спросил Николай, пытаясь стащить с ноги башмак.

– Выходит, что так; лежал знаешь ли размышлял о жизни – ответил растирающий глаза ладонями Валя.

– Смотри, однажды так заснешь с крошками на бороде, а эти твари утащат тебя в подвал и предадутся пиршеству. Не все же им использовать тебя как предмет мебели. Они уже как по расписанию на тебе столуются.

Николай схватил ботинок и со всей силы метнул в бегущего с куском булки таракана, торопящегося к себе в подпол.

– Все мы божи твари, Кэл. Пусть едят, доходяги; кто я такой чтобы их судить? – с философской ноткой ответил Валя.

– Кто ты такой чтобы их кормить? Соседи скоро к нам с вилами и факелами придут. Им и так не нравится, что из комнаты постоянно пахнет растворителями и прочей химией, а ты еще тараканов вздумал кормить. Не будь это твоя комната, сожители бы уже давно пришли на расправу и выставили нас за порог.

– Расслабься, Кэл. Все будет в порядке. Соседи регулярно их травят, а они все равно приходят. Нам уж точно с этим ничего не поделать, остается лишь жить в мире с этими ползучими хреновинами.

Валя развалился на полу закинув ногу на ногу, а Николай плюхнулся на кровать в углу и подложив руки под голову уставился в потолок.

– Ну, как твой дядя поживает? – с доброй улыбкой спросил Валя. Он вообще был очень добрым парнишкой. На его лице были видны небольшие мимические морщинки. Светло рыжие неопрятные волосы образовывали что-то вроде каре, на довольно худом лице красо-

вался крупный нос с небольшой горбинкой. Валя разговаривал громким низким голосом оперного певца с прекрасно поставленной речью и дикцией.

– У него все прекрасно, он теперь миллионер. – холодно ответил Коля.

– Я рад что у него все хорошо... – начал Валя.

– Прошу заметить! Пока что у него все хорошо! – перебил его Николай, подняв указательный палец вверх и выразительно взглянув на Валу.

– Я тебя не понял, Кэл. Что должно случиться?

– Не знаю, но я обязательно что-нибудь придумаю.

– Ты меня пугаешь; что за сюрприз ты готовишь?

– О, я думаю сюрпризов его ждет очень много.

7. Визит Зинаиды

Георгий Гаврилович вновь проснулся от стука в дверь.

– Кто там? – громко спросил он, не поднимая головы с подушки.

В дверь еще раз постучали.

– Кто там, я спрашиваю! – раздраженно выкрикнул Георгий Гаврилович.

– Это соседка, Зина! – послышалось из-за двери.

– Что тебе к черту нужно, старая ведьма. – прошипел себе под нос разгневанный инженер.

Он встал с дивана и медленно поплелся на непрекращающийся стук. Распахнув дверь, он разъярённо уставился на соседку, в глазах его переплетались нити полопавшихся сосудов.

– Здравствуйте, товарищ Солянка – повелительно декламировала полная женщина в чалме, уложенной на манер французских модниц начала прошлого века, этакая мадам Грэ.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – со злобной иронией ответил инженер, успевший пригубить часть водки.

– У меня к вам важный разговор, товарищ Солянка.

– Обязательно ли об этом говорить сейчас? – устало спросил инженер.

– Без сомнения! Вопросы коммунальной важности не терпят отлагательства.

– И что это за «коммунальная важность», простите за любопытство? – ехидно выделив кавычками тему вопроса спросил Георгий Гаврилович.

– Товарищ Солянка! Если вы сознательный гражданин... – воспитательным тоном, отчеканила женщина, пытаясь пристыдить обидчика.

– Я уже больше половины века товарищ Солянка – и что теперь? – все так же едко продолжил Георгий Гаврилович.

– А то, что, являясь председателем жилищного комитета, я просто обязана провести с вами беседу.

– Ведите! Я вас слушаю, вот только портки надену – это вы мне готовы позволить? – театрально взмахнув руками спросил Георгий Гаврилович и повернулся, чтобы найти свои брюки.

Женщина сделала вид, будто не заметила кружащихся в воздухе неприятных сентенций соседа.

– Так вот! Как вы могли заметить, наш дом и, в частности наша с вами жилплощадь, находится в плачевном состоянии. Квартире требуется капитальный ремонт!

– А я-то тут при чем? Я похож на того, кто рисует пошлости на стенах в парадной? Или я по-вашему разбросал здесь эти детские игрушки? Или, может быть, я сам себя затопил в прошлом году? – Разразился гневной тирадой Георгий Гаврилович, и от злости пнул детскую куклу, которая, издав свистящий звук ударилась об стену.

Женщина сморщилась и приблизилась к лицу Георгия Гавриловича, шмыгая носом будто сыскная овчарка.

– Да вы пьяны! – вскрикнула она.

– Какое вам дело до этого? Катитесь отсюда со своими ремонтами! – вскрикнул в ответ инженер.

– Ну знаете, товарищ Солянка! Такого хамства я не потерплю! Вы думаете, что если стали миллионером, то можете сразу стать и хамлом? Я буду жаловаться на вас в прокуратуру! А еще лучше, напишу письмо в налоговую... – Тучная дама Зинаида, манерно поправив чалму, спешно удалилась, быстро передвигая пухленькими ногами.

– Что вам всем, черт вас подери нужно? – заорал ей вслед Солянка.

– Хам! – отрезала она, захлопнув за собой дверь в прихожей.

Георгий Гаврилович вбежал в комнату, и дрожащими от гнева руками начиркал на картонке «Не беспокоить!», и повесил её снаружи на дверь.

– Чертов Володька, уже всем растрепал! Зачем только деньги ему всучил? Чертовы картонные стены, теперь все соседи в курсе! – в рассерженном состоянии товарищ Солянка хулил инженерные особенности своего жилища и постыдную склонность к сплетням своего соседа-пьяницы.

По предположению Георгия Гавриловича, каждая собака во дворе теперь знала о его текущем финансовом положении. Отношение к нему без всякого сомнения должно было диаметрально поменяться с привычно-нейтрального на агрессивно-назойливое, попрошайническое. Взволнованный инженер дрожащими руками извлек из аптечки все имеющиеся средства для успокоения человеческого организма. Выпив половину пузырька корвалола вперемешку с настоем пустырника, измученный волнениями, инженер решил допить водку, а перед сном на всякий случай принял валерьянки. Коктейль из релаксантов вызвал обратный эффект, и беспомощный в своем состоянии инженер провел остаток вечера и ночь в беспокойных мыслях о жизни и смерти. Он ворочался с боку на бок, вспоминая самые превратные пассажи из своей жизни, вплоть до школьных обид и недостатка родительской заботы. Проворачивал в мясорубке своего больного сознания события ушедших дней, применяя к ним неожиданно новые для себя решения и поступки, приводящие к иному результату, но каждый раз понимал, что все потеряно, и времени уже не вернуть, жутко расстраивался, и снова вспоминал что-то из своей долгой скучной жизни, состоящей на девяносто девять процентов из мелкого недовольства.

8. На работу. Проклятый день

Наутро Георгий Гаврилович встал с дивана, не понимая, был ли сон этой ночью. Образы, которые абстракциями проносились у него в голове, казались такими далекими, что вполне могли сойти за сновидения, но непреодолимая усталость говорила о том, что сон пришел только под утро. Георгию Гавриловичу не хотелось идти на кухню, там он боялся случайно встретиться с соседями по коммунальной квартире, и опять попасть под обстрел жаждущих раскулачить новоявленного богача. Георгий Гаврилович находился не в самой лучшей форме для поединков и, к тому же, его усталость выражалась в параноидальной пугливости, мелкой социофобии, бороться с которой не было сил и желания. Поэтому товарищ Солянка заполз словно червяк в помятые брюки, и на цыпочках вышел в коридор. Тайком он миновал коридор, и лишь у двери, ведущей на лестничную площадку, сильно скрипнул паркетной доской, что заставило его испуганно побежать, прихрамывая и громко пыхтя.

В бессознательном состоянии Солянка добежал до трамвайной остановки и сел на скамейку. Повсюду валялись листовки с антиправительственной агитацией и рваные плакаты с едкими афоризмами, будто кто-то кружил над городом и раскидывал прокламации с дирижабля. Дворники еще не вышли на работу, поэтому от народного протеста остался лишь призрачный след из разбросанной по асфальту бумаги. Георгий Гаврилович поднял листовку, и внимательно осмотрел. Было очевидно, что демонстранты молохом прошли по улицам, но, по всей видимости были довольно быстро усмирены служителями порядка и расфасованы по автозакам.

– Интересная теперь молодежь, спокойно им не сидится. Вот было время... – сказал себе под нос Георгий Гаврилович и бросил листовку в урну.

В кармане, к великому счастью инженера, оказалась пачка папирос и коробок спичек. Открыв коробок, он обнаружил лишь одну пополам сломанную палочку с отсыревшей серой на конце. Выругавшись, Георгий Гаврилович начал искать глазами прохожих, способных удовлетворить его потребность в курении. На соседней скамейке, прикрыв глаза в сладкой дреме, лежал мужчина, наружность которого выдавала в нем бомж. Нестерпимый запах мочевых желез вперемешку с алкогольным выхлопом делали бомжа неприступным для разного рода насекомых и представителей правоохранительных органов. Георгий Гаврилович осторожно подошел к нему, и потянулся рукой чтобы разбудить, но передумал и отдернул руку, попав в облако источаемых зловоний. Растерявшись, он просто вскрикнул:

– Мужчина! Уважаемый! Спички есть?

Бомж зашевелился. Он совсем не ожидал, что кто-то может обратиться к нему по своей воле.словно дикое животное, источающее своими железами ядовитые миазмы для отпугивания хищников, он выбросил на инженера новую волну зловоний. У Георгия Гавриловича закружилась голова и подступило к горлу, но он уже привык к отвратительным запахам, ввиду специфики своей профессии и уверенно сдержался.

– Уважаемый!.. – повторил он, сморщившись в непреодолимом отвращении.

– Что тебе? – откликнулся хриплым голосом бомж, запустив руку в густую спутавшуюся бороду чтобы почесать подбородок.

– Спички есть?

Бомж перевернулся на бок и зашуршал по карманам.

– Папиросу дай! – повелительно сказал бомж и протянул инженеру зажигалку, давая понять, что согласен на обмен.

– Ты куда так вырядился? – немного подумав спросил бомж.

Только теперь Солянка заметил, что так и не переделся со вчерашнего вечера. На нем была измятая яркая рубаха, которую он не удосужился снять перед сном, и брюки со стрелками.

– Ишь ты, какой франт! – насмеялся бомж, слюнявя папиросу.

– Как будто миллион выиграл!

Георгий Гаврилович молчал; он чувствовал себя отвратительно и выглядел не лучше.

– Может тогда у тебя найдется для меня монеточка, а, папаша? – щурясь проговорил бомж, и ириво подмигнул подбитым глазом.

– Какого черта вам всем есть дело до моих денег? – заорал инженер, да так что бомж выронил папиросу и судорожно начал искать ее под ногами.

Внезапно из-за угла появился трамвай и бросив папиросу рядом с бомжом, Георгий Гаврилович прыгнул в раскрывшиеся двери.

Глядя через окно на испуганного бомжа, свалившегося со скамейки и растерянно ползающего на карачках, он глубоко вздохнул и твердо решил держать себя в руках. Этот день сулил ему много хлопот, поэтому необходимо было обойтись без лишних эмоциональных потрясений. Солянка плюхнулся на свободное сидение почти пустого трамвая, и задремал, слушая стук движущих механизмов. Из состояния дремы его вернула к жизни старая кондукторша, закричавшая в ухо:

– За проезд плотить надобно!

На ней красовалась оранжевая жилетка, поверх которой был намотан пуховый платок.

Георгий Гаврилович машинально полез в карман, но не обнаружил там ничего. Тогда он полез в другой карман, но нащупал там лишь клочок бумаги с номером телефона продавщицы сосисок.

– Простите, подождите минуточку. – промямлил он.

С ужасом он понял, что в спешке забыл дома все необходимое для жизни в социуме, вплоть до пропуска на работу.

– Ну что? – нетерпимо спросила кондукторша.

– Прошу простить великодушно, видимо я забыл дома кошелек – виновато пробубнил под нос Солянка, не смотря в глаза кондукторше.

– Ишь чего удумал. Чтобы ездить, надобно уплатить! – завопила старуха. За десятилетия упорного труда на поприще проверки билетов, у старухи был стандартный, выверено отработанный арсенал приемов по борьбе с «зайцами».

– Пойдите гражданка... – запротестовал инженер, но старуха действовала по воле приобретенных за многие годы инстинктов. Она с феноменальной точностью чувствовала психологию поведения безбилетника, и реагировала в самый нужный момент.

– Ты меня надурить решил, кобель постылый? Я тебя быстро на чистую воду выведу! – старуха схватила Солянку за воротник и потащила к выходу.

– Но пойте, какое право вы имеете, я честный трудящийся... – попытался возмутиться он, растерянно ковыляя к выходу.

– Я тебе покажу право, пес шелудивый! Сейчас быстро тебя в милицию сдам!

– Но мне всего две остановки... – взмолился сбитый с толку инженер, понимая, что не в силах совладать с характером старухи.

– Разделся будто свататься, а за проезд платить на хочет, бесовская душонка!

Выбросив бедного инженера из трамвая на ближайшей остановке, старуха тут же прекратила брань и спокойно села на место кондуктора, так, будто ничего не случилось. Это была лишь демонстрация ее профессиональных навыков, без растраты эмоциональных ресурсов, чистый неподдельный профессионализм. Старуха беззаботно принялась за вязание, будто на ней переключили тумблер. За долгие годы службы, ей приходилось иметь дело с представителями разных социальных групп и разными типажам уклонистов от уплаты, что позволило выработать целый перечень эмпирически отработанных приемов по устыжению и устранению спесивых пассажиров.

Гражданин Солянка, в яростной жалости к себе, поруганный, словно школьный хулиган, вышагивал на работу. Из-за прогулки пешком он опаздывал, и рисковал не встретить коллег у проходной. Так и получилось, когда Георгий Гаврилович подошел к воротам завода на которых красовалась большая вывеска «ЗАО Барсучья Струя», часы показывали, что блудный инженер опоздал на двадцать минут. Подойдя к окошку сторожа, Георгий Гаврилович постучал и сунул голову в окно.

– Добро утречко! Пустите великодушно! – жалобно попросился он.

В сторожевой сидел молодой охранник, который не раз уже видел Георгия Гавриловича пересекающим порог завода.

– Доброе, а пропуск ваш где?

– Забыл – грустно сказал Солянка.

– А опаздываете почему?

Георгий Гаврилович пожал плечами.

– Ну ладно, проходите. Все случается. Больше не опаздывайте – охранник улыбнулся инженеру и пустил через турникет.

Радостный Георгий Гаврилович, которому, как говорят в народе, повезло, словно покойнику в воскресный день, миновал турникет, и тут же в коридоре наткнулся на директора производства. Тот с удивлением взглянул на часы и многозначительно поднял глаза на Георгия Гавриловича.

– Извините, опоздал немного – промямлил инженер, с оправдательной интонацией школьника, показавшего исписанный красной ручкой дневник, медленно расстегивающему крепление ремня отцу.

Директор осмотрел его с ног до головы.

– Что с вами, товарищ Солярка? Вы что от диких волков убежали? Что за вид у вас? Вы как будто только с банкета! Вы же советской закалки, не пристало так выглядеть советскому инженеру!

Это был маленький сморщенный старичок со смешным кукольным голосом, огромным лбом и аккуратно причёсанными за уши седыми волосами, отделяющими границы блестящей лысины, похожей на взлетную полосу. Заканчивая фразу, он продолжал, причмокивая двигать челюстью. Тем не менее, он был из тех людей, при появлении которых в помещении все замолкали и поднимались со стульев. В коллективе он насаждал армейские правила поведения, так как сам был бывшим военным, и до сих пор носил на груди какой-то дурацкий значок приколотый к карману пиджака.

– Извините, исправлюсь – подобострастно рапортовал Солянка, и устало посеменил в раздевалку, думая лишь о том, как хорошо было бы выпить горячего чая, съесть яичницу и выспаться. Он как раз успел справить нужду и облачиться в спецовку, когда случилась авария главной помпы насосной станции, и все мельтешащие рядом ремонтники суетились перемазанные солидолом и продуктами перекачки. Из-за избыточного давления, вырвало один из шлангов и рабочих окатило теплой и густой «барсучьей струей». Целый день был посвящён ремонту насосной станции.

Вновь сменив комбинезон на помятую рубаху, измученный инженер Солянка покидал завод.

– Вот это рубаха! Ты на свадьбу что ль собрался, Гаврилыч? – браво подтрунивали работники.

Георгий Гаврилович злобно молчал. Ему предстояло пешком пройти до дома. Брать деньги у сослуживцев и снова выслушивать плоские шутки он не желал. Вопреки его убеждениям и симпатии к промышленности, нынешнее положение вещей не устраивало Георгия Гавриловича. Пожилой инженер с огромным опытом работы с разной техникой, был потрепан

временем, спущен по карьерной лестнице и не сильно отличался от простого рабочего, перебирающего детали оборудования.

Вернувшись к дому, Георгий Гаврилович остановился у скамейки чтобы поздороваться со старухами, которые вальяжно раскинулись на скамейке, и шелкали семечки, не упуская из вида ни одного прохожего.

– Добрый вечер – сказал Георгий Гаврилович, откашлявшись.

– Здравсте-здравсте... – хитро ответили старухи.

Какое-то странное чувство овладело Георгием Гавриловичем. Войдя в парадную, он прислонился головой к двери и наострил уши.

– Говорят, что Солянка-то миллионэром стал! – начала одна из старух.

– Да, да, говорят совсем стал нелюдим, выходит только по ночам в тайне от соседей. Его и видят только когда он приходит и уходит – подхватила другая старуха.

– А куда ходит? – спросила третья.

– Неизвестно. Кто его знает, куда они миллионэры ходят.

– Рубаха-то, видели? Точно заморский денди.

– Ага, и запах какой-то странный...

– И я заметила, неужто духи какие дорогие?

– Неужто духи могут так вонять?

Завязался нешуточный спор, который прекратила первая старуха.

– Я знаю, чем это пахнет – тихим таинственным тоном произнесла она.

– И чем же? – с неподдельным любопытством вопрошали другие старухи.

– Сексом. Звериным сексом.

– Ты что Михална? Совсем умом тронулась на старости лет?

– Я вам точно говорю: мой кобель, когда гулял, я его из квартиры не выпускала, так у меня от каждого угла так пахло.

Георгий Гаврилович не сумел дослушать разговор, так как двери лифта открылись, и вышедшая из них соседка Зина застала его за странным занятием. Он, словно опытный врач, приложивший ухо к груди больного, пригнувшись стоял у двери парадной и особо сосредоточенно внимал звукам извне.

– Что вы делаете, товарищ Солянка? – возмущенно вскрикнула она, и испуганный инженер отпрянул от железной двери.

– А, ну тебя! – ответил Георгий Гаврилович и побежал по ступенькам вверх.

Войдя в свою комнату, он в беспамятстве упал на кровать и уснул. Он твердо решил, что завтра же возьмет больничный и пойдет к нотариусу за своими деньгами.

9. Конь

Валя, как и всегда, сидел на полу, густо набрасывая на полотно своей картины пестрые краски, хватая их голыми руками. Он уже заканчивал свое творение, когда тихо вошел Николай.

– О, Кэл! Где ты был?

– Привет! Я гулял, нужно было кое над чем поразмыслить. Что ты там нарисовал?

От Николая пахло спиртным и выглядел он слегка потрепанным. Он подошел к картине и начал ее внимательно разглядывать.

Картина получилась интересная. На ней изумительный дикий скакун, ретиво поднявшийся на дыбы, с обнажёнными зубами и разметавшейся гривой, символизирующей его непокорность. За ним простирались далекие степи, залитые солнцем, а могучее тело коня выглядело молодым и поджарым. Конь будто выпрыгивал с картины чтобы вступить в бой с любым, кто осмелится посягнуть на его свободу. Картина была словно живая, чувствовались энергия, страсть, борьба. Взглянув на нее, никто не смог бы остаться равнодушным.

– Чудно! – сказал Николай и улыбнулся другу, но тот был чем-то озабочен.

– Все же, мне кажется, что-то с этой картиной не так. Не уверен, что ее купят. Я вообще не уверен, что мне самому нравится.

Николай лег на кровать и закрыл глаза.

– Тебе правда нравится, Кэл? – недоверчиво спросил Валя.

– Чудно, чудно, дружище. – ответил Николай и громко икнул.

– Я вот сомневаюсь.

– Художник должен быть голодным! – декламировал Николай.

– Но...

– Никаких но; мы с тобой кое-как собираем деньги на коммунальные услуги и чёрствый хлеб. Такие люди просто не могут делать вещи посредственные.

– Но моя картина... в ней как будто чего-то не хватает... не хватает жизни...

Николай вскочил с кровати и покачиваясь подошел к картине.

– Ты не против, если я внесу коррективы? Раз уж картина тебе не по нраву...

– Валяй! – рассмеялся Валя.

– Вот! – сказал Николай, и макнув палец в ванночку с краской ярко-карминового цвета пририсовал коню огромных размеров орган репродукции.

– Теперь достаточно живо? – серьезно спросил он.

– Ладно, плевать, все равно картина мне не нравилась! – засмеялся Валя.

– Вот увидишь, эту картину купят первой. Завтра. Я обещаю.

– Ну, раз ты обещаешь... То есть, ты хочешь сказать, что вот эта картина с сосновым лесом, которую я не могу продать уже полгода, или эта панорама ночного города, останутся в тени нашей новой совместной работы?

– Именно так.

Валя задумался.

– Ты сегодня опять ходил к дяде?

– Нет, но завтра мы непременно увидимся.

10. И снова гости

На следующий день, Георгий Гаврилович пришел на завод в точно положенное время. Он был спокоен и собран. В его планах было отпроситься с работы после двенадцати, сославшись на недомогание, но как только наступил обеденный час, и довольный инженер приступил к трапезе, склонившись с вилкой над тарелкой с гуляшом, к нему спешно подошел директор производства.

– Солянка! Вас немедленно вызывают на проходную. К вам пришли.

– Это наверно ошибка! – инженер грустно посмотрел на недоеденный гуляш.

– Никакой ошибки. Пришел ваш племянник, в паспорте написано «Николай Солянка», говорит, что ваш родной брат отдал богу душу. Соболезную.

Густые брови Георгия Гавриловича опустились и лицо приняло выражение холодного коварства.

«Что это мелкий подонок хочет? Я же все ему разъяснил» – подумал Георгий Гаврилович.

– Мой брат? Это ужасно! – притворно сказал инженер, пережёвывая гуляш.

– Это для вас неожиданность? – с сомнением спросил директор испытующе взглянув на инженера.

– Конечно! Мой брат был здоровее всех здоровых... – Георгий Гаврилович пытался изобразить удивление и отрицание, не переставая есть. Выходило крайне неубедительно.

– Странно. Ваш племянник сказал, что вы в курсе дела и у него к вам безотлагательный вопрос юридического характера.

– Какого-какого? – переспросил Георгий Гаврилович, пытаясь растянуть время, чтобы успеть справиться с блюдом. Ему было наплевать кто его ожидает, но если встреча с внезапно появившимся племянником становилась требованием директора, то выполнять следовало немедленно.

– Юридического! Вам, по его словам, досталось очень крупное наследство. – нетерпимо ответил директор. Он сам плохо слышал, и ненавидел, когда другие люди переспрашивают, особенно если из-за пустяковых вопросов он отвлекался от важных дел.

– Первый раз об этом слышу – с трудом произнес Георгий Гаврилович с набитыми щеками.

– Дело ваше, Солянка. И постарайтесь решать свои личные дела вне работы – сказал директор и сурово взглянул на инженера сверху – этого взгляда боялись все, в том числе и Георгий Гаврилович. Взгляд не предвещал хороших событий по части заработной платы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.